

MIKHAIL FEDOSYUK / МИХАИЛ ФЕДОСЮК
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2032-2192>
Lomonosov Moscow State University

ТАБУ НА ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И НА МЕСТОИМЕНИЕ *ТЫ* КАК КОМПОНЕНТ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

A taboo on personal names and on the pronoun *ty* as a component of Russian speech etiquette

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой этикет, табу, личные имена, местоимение *ты*, обращение на «ВЫ»

KEYWORDS: speech etiquette, language taboo, personal names, replacement of Russian pronoun *ty* ('you' sg.) on *vy* ('you' pl.)

ABSTRACT: The article shows that the language taboo on pronouncing personal names, which is usually described as a phenomenon typical of archaic cultures, is also characteristic of the modern Russian language, where names of older relatives usually are replaced by words *dad*, *mother*, *grandfather*, *grandmother*, *uncle* and *aunt*. In the XVIII and XIX centuries in Russia there was a taboo on the use of names, patronymics and surnames of persons senior in civil or military rank. At present, it is preserved in the military sphere of communication, where it is forbidden to address by name or surname to senior in rank. The taboo phenomenon can also be an explanation of etiquette designation the respected interlocutor by Russian pronoun *vy* ('you' pl.) instead of *ty* ('you' sg.).

1. Табу как явление архаичной культуры

Как сказано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», в языковедении термин *табу* обозначает

запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён. Явление Т[абу] связано с магич[еской] функцией языка (речи), т. е. с верой в возможность непосредств[енного] воздействия на окружающий мир при помощи языка. Т[абу] характерны для языков народов с архаичной культурой (Африка, Австралия, Океания, народы Севера и др.), однако в большей или меньшей степени встречаются во всех языках. [...] Особенно распространены Т[абу] на имя человека, к[ото]рое воспрещается сообщать посторонним, а иногда вообще называть вслух; на произнесение имени родственника (мужа, свёкра,

тещи, шурина); на произнесение имени умершего, имени вождя или царя (отчасти с этим связан обычай пышного титулования), имени божества. Все эти имена собственные заменяются описат[ельными] выражениями» (Леонтьев 1990, 501).

Табу, свойственные языкам народов с архаичной культурой, исчерпывающе подробно, хотя и, к сожалению, без ссылок на источники информации описаны в книге британского религиоведа и культуролога Дж. Фрэзера:

Первобытный человек не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощутимыми узлами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть его тела (Фрэзер 2018, 235).

Что же касается табу не в экзотических языках, а в языках, хорошо известных европейцам, то речь в лингвистической литературе чаще всего идет о тех табу, которые существовали в праиндоевропейский период и под влиянием которых первоначальные названия некоторых животных заменились в современных языках новыми обозначениями – эвфемизмами. А. А. Реформатский отмечал:

Таковыми эвфемизмами были у многих индоевропейских народов, в том числе и у славян, названия змей, медведя. Русское слово *змея* того же корня, что и *земля*, и *змий* буквально значило «земной»; в латинском языке наряду с исконным названием змеи *anguis* появился эвфемизм *serpens* – буквально «пресмыкающийся», в древнегерманском *slango* – «ползучий», в сербском – «украшающий» эвфемизм – *kráca*; русское *медведь* – искусственно составленное сложное слово со значением «тот, кто ест мед» (как и в других славянских языках), в германских *Bár* – «бурый», в литовском *lokys* – «лизун», в вымершем прусском – *clokis* – «ворчун»; тогда как исконное наименование этого животного, сохранившееся в латинском *ursus*, во французском *ours*, в итальянском *orso*, в испанском *oso*, в греческом *árktos*, в древнеиндийском *r̥kṣah*, в древнеперсидском *arša*, в авестийском *arəšo*, в армянском *arj*, в албанском *ari*, в ирландском *art* (но и *meth* – «добряк»), – утрачено славянскими, балтийскими и германскими народами (Реформатский 1996, 105; ср. также: Маковский 2008).

2. Табу в современных языках

Представляется, однако, что подсознательное отождествление слова и обозначаемого им предмета не является особенностью только первобытного сознания. Вероятно, человеческое мышление устроено так, что произнесение того или иного слова воспринимается людьми почти так же, как демонстрация

соответствующего предмета или явления, и именно этим можно объяснить существование табу в современных языках.

Поэтому целесообразно, по-видимому, различать мертвые и живые табу. Мертвые табу это табу, существовавшие прежде. Возможно, они оставили свой след в языке, однако в настоящее время не действуют. Примером мертвого табу может служить уже упоминавшийся древний запрет на употребление исконного названия того животного, которое в настоящее время по-русски называется медведь. Что же касается живых табу, то это запреты на использование каких-либо слов, существующие в наши дни.

Рассматривая табу, которые мы предлагаем именовать живыми, Реформатский пишет:

В цивилизованном обществе причиной табуирования может служить цензурный запрет (военная или дипломатическая тайна), поэтому собственные имена стран, городов, предприятий, военных частей и лиц заменяются буквами или их названиями: *N* (эн), *NN* (эн-эн), *N-ский* (энский), г. *X*, *Y*, *Z* (г. Икс, Игрек, Зет); или описательным выражением: *одна соседняя держава*; *один дипломатический представитель*; *завод, где директором* (имярек) и т. п. [...] Другим источником табуирования слов в цивилизованной среде служит этикет, боязнь грубых или неприличных выражений; так, вместо *вы врете* говорят *вы ошибаетесь*, *вы не вполне правы*, вместо *его вырвало* говорят *он поехал в Ригу* (по каламбурному созвучию) или *с ним случился Фридрих-хераус* (по одному анекдоту о русском и немецком солдатах, пивших за императоров); вместо *вошь* говорят *насекомое*, *инсект*; врачи часто прибегают к латинским названиям болезней (заменяют русские слова латинскими синонимами) или употребляют особые медицинские термины («Нет, у вас не *рак*, а *сапсер*» (т. е. «рак»), «Это не *чахотка*, а *твс*» (т. е. «туберкулез», «чахотка»), «Здесь необходимо хирургическое *вмешательство*» (т. е. «операция»), «Конечно, возможен и *летальный исход*» (т. е. «смерть») и т. п. (Реформатский 1996, 106; примеры из других европейских языков см. в работах: Kiklewicz 2016a; 2016b).

Интересная особенность живых табу состоит в том, что довольно часто заменяющие их эвфемизмы со временем тоже начинают восприниматься как обозначения чего-то запретного, неприличного или опасного, вследствие чего они, в свою очередь, табуируются и заменяются новыми эвфемизмами. В результате в языке возникают ряды синонимов, предназначенных для замены исходно табуированного слова. Так, стараясь не использовать слово *умереть*, в русской разговорной речи нередко вместо *Если я умру* говорят *Если со мной что-нибудь случится*, а в речи книжной заменяют слово *смерть* выражениями *кончина* или *уход*. Напомним, что эвфемистические синонимы к слову *умереть* были комически обыграны в речи одного из персонажей романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» гробовых дел мастера Безенчука:

- Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик.
- Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или Богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, Богу душу отдает...
- То есть как это считается? У кого это считается?
- У нас и считается. У мастеров. Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай Бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал».

Отец автора этой статьи, слушавший в свои студенческие годы лекции выдающегося российского лингвиста Д. Н. Ушакова, вспоминал, как Ушаков подробно рассказывал об истории непрерывной смены названий того помещения, которое в наши дни чаще всего именуется *туалетом*. Первоначально в русском языке это место именовалось *нужник*. Однако со временем слово *нужник* стало восприниматься как слишком откровенное и потому неприличное. Для его замены был введен в оборот эвфемизм – на первый взгляд, безобидное слово *сортир* (от французского *sortir* ‘выходить’). Однако со временем и оно себя скомпрометировало. Для его замены, сменяя друг друга, стали использоваться вначале заимствованное из английского языка слово *клозет*, а затем *уборная*. Первоначальное значение слова *уборная* – ‘комната, в которой одеваются, приводят в порядок свой внешний вид’, однако и оно подверглось эвфемизации и в настоящее время заменено словом *туалет*.

3. Современные табу на личные имена

Как правило, описания табу в современных языках создают впечатление, что характерные «для языков народов с архаичной культурой» табу на личные имена «в цивилизованном обществе» не сохранились. Однако это не так. Напротив, табу на личные имена настолько свойственны современным индоевропейским языкам, что обычно их не замечают ни рядовые носители языка, ни лингвисты.

Здесь прежде всего следует упомянуть табу на имена старших родственников. Конечно, все мы хорошо помним имена и отчества своих родителей и, общаясь с посторонними, при необходимости легко можем им эти

имена сообщить. Однако, если нужды в этом нет, то все, в том числе взрослые и даже пожилые люди, называют своих родителей *papa* и *мама* или, в официальных ситуациях, *отец* и *мать*. Аналогичным образом, обращаясь к деду, бабушке, дяде или тете или же упоминая их, носители русского языка обычно произносят не их имена, а слова *дедушка*, *бабушка*, *дядя* и *тетя* (к ним, правда, могут добавляться и личные имена родственников, например *дядя Толя* и *тетя Лена*).

В современной русской культуре обозначение старших родственников при помощи их личных имен воспринимается как невежливое точно так же, как употребление имен родственников оценивали и продолжают оценивать народы с архаичной культурой. Вот, например, что писал об этом Л. Блумфилд, исследовавший языки американских индейцев:

Во многих коллективах табу налагается для некоторых лиц при тех или иных обстоятельствах на имена людей. Так, индейцы-мужчины племени кри не должны произносить имен своих сестер, а также имен других женщин, находящихся с ними в родстве; они объясняют это, говоря: «Я ее слишком уважаю» (Блумфилд 1999, 61).

Похожим образом, но только по отношению к мужским, а не к женским именам обстоят дела в современном корейском языке, где, как отмечает Н. В. Пягай, «для женщины обращение по имени невозможно по отношению к старшему брату, “дважды старшему”, по возрасту и полу». Именно поэтому, как пишет Пягай (2007, 174), в переводе комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» на корейский язык все обращения Раневской к Гаеву по имени Леонид заменены корейским нарицательным существительным, имеющим значение ‘старший брат для женщины’.

Разумеется, в наши дни строгость табу на употребление имен старших родственников постепенно ослабевает. Не секрет, что в последние десятилетия в России появились семьи, в которых дети называют родителей не *мама* и *papa*, а по именам. Еще чаще обращений по имени добиваются от своих внуков некоторые бабушки, которым кажется, что обращение *бабушка* их старит. Эта проблема активно обсуждается в интернете, причем большинство участников дискуссий оценивают такую инновацию отрицательно (Большой вопрос.ru; Детки мама.ru; Passion.ru).

Обратившись к текстам XVIII и XIX вв., легко заметить, что в то время сфера распространения табу на личные имена была шире. В России существовало табу на употребление имен, отчеств и фамилий лиц, старших по чину. Так, например, в пятой главе первой части романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» сторож того учреждения, где служит Стива Облонский, обращается к нему не по имени-отчеству, а *ваше превосходительство*, тогда как сам

Стива, беседуя со своим секретарем, использует не формулу титулования, а имя-отчество секретаря *Захар Ильич*. Читая роман, мы, как правило, не обращаем на это особого внимания. Однако если бы Облонский внезапно стал именовать секретаря не *Захар Ильич*, а, например, *ваше благородие*, то такое странное в устах начальника обращение к подчиненному, наверно, бросилось бы нам в глаза.

То, что при обращении к вышестоящим лицам в России было не принято именовать их по имени-отчеству, подтверждает выпущенное в 1811 г. пособие по составлению писем: «Всеобщій секретарь, или Новый и полный письмовникъ». В письмовнике отмечается, например, что если письмо «къ Статскому Совѣтнику, Вице-Губернатору, Оберъ-Полиціимейстеру, Гражданской и уголовной палаты предсѣдателямъ, Почтъ-Директору» пишет подчиненный, то его следует начинать словами «Ваше Высокородіе! Милостивый Государь!», если же письмо к тому же лицу направляется «отъ равныхъ и другихъ лицъ», то в его начале можно написать «Милостивый государь!», а можно «Милостивый Государь мой имя и отчество!» (Всеобщій секретарь 1811/I, XXXIII-XXXIV).

Исчезнув из речевого этикета гражданских лиц, табу на личные имена при обращении к старшим по званию сохранилось в современном военном общении. Вот как выглядят предписания «Устава внутренней службы вооруженных сил Российской Федерации», утвержденного указом Президента Российской Федерации в 2007 г.:

Начальники и старшие, обращаясь по вопросам службы к подчиненным и младшим, называют их по воинскому званию и фамилии или только по воинскому званию, добавляя в последнем случае перед воинским званием слово «товарищ». Например: «Рядовой Петров», «Товарищ рядовой», «Сержант Кольцов», «Товарищ сержант», «Мичман Иванов». [...] Подчиненные и младшие, обращаясь по вопросам службы к начальникам и старшим, *называют их по воинскому званию, добавляя перед воинским званием слово «товарищ»*. Например: «Товарищ старший лейтенант», «Товарищ контр-адмирал» (Устав).

Понятно, что обращение младшего к старшему с упоминанием его фамилии или, тем более, имени-отчества, например «Товарищ контр-адмирал Кольцов!» или «Николай Николаевич!» в российской армии не допускается.

Легко увидеть, что уважительное табу на использование имен собственных обусловлено уже упоминавшимся подсознательным отождествлением слов и обозначаемых ими предметов. Имена нарицательные, такие как *ваше превосходительство*, *товарищ старший лейтенант* или *отец*, не являются индивидуальными наименованиями своих носителей и в разных ситуациях могут обозначать совершенно разных людей. Что же касается личных имен,

то они, напротив, представляют собой неотъемлемую принадлежность каждого человека, нечто вроде его уникального словесного заместителя в речи. Поэтому на протяжении столетий в сознании людей произнесение во многих ситуациях собственного имени уважаемого человека означало примерно то же самое, что и бесцеремонное прикосновение к самому этому человеку, а потому подвергалось табу.

4. Табу на личное местоимение *ты*

Однако существует еще один уникальный словесный заместитель человека – личное местоимение *ты*. В любой ситуации говорящий имеет возможность упоминать множество лиц, не участвующих в общении, обозначая их местоимениями *он*, *она* или *они*. Носителей местоимения *вы*, т. е. адресатов, тоже может быть несколько. Однако то лицо, на которого указывает местоимение *ты*, в любой коммуникативной ситуации уникально. В этом отношении слово *ты* похоже на имя собственное, а потому в нашем подсознании оно способно полностью отождествляться с обозначаемым им человеком. Можно утверждать, что именно в этом состоит причина табу на употребление местоимения *ты* при вежливом общении, которое существует не только в русском, но и во многих других языках.

Как отмечает Блумфилд, «обычай употреблять местоимение множественного числа “вы” вместо местоимения единственного числа “ты” распространился по Европе еще в средние века» (Блумфилд 1999, 438). Что касается России, то в ней обращение на «вы» начало употребляться при Петре I (Федосюк 2006, 32).

Устраняя из вежливого общения табуированное местоимение *ты*, разные языки вели себя по-разному. Во французском языке, так же как и в русском, интимному, дружескому местоимению *toi* ‘ты’ стало противопоставляться вежливое *vous* ‘вы’. Английский язык полностью утратил местоимение *thou* ‘ты’, и в нем как в интимном, так и в вежливом общении стало употребляться только *you*, первоначально значившее ‘вы’. В польском языке для уважительного обозначения адресата употребляется существительное *pan* ‘господин’. Вопрос *Вы говорите по-польски?* звучит по-польски как *Czy pan mówi po polsku?*, т. е. буквально *Говорит ли господин по-польски?* В немецком языке вежливым наименованием адресата служит местоимение 3-го лица множественного числа *Sie* ‘они’ (в этом своем употреблении оно пишется с заглавной буквы).

Высказывались и другие объяснения причин возникновения вежливого обращения на «вы». Так, по мнению Блумфилда, это обращение появилось потому, что «часто выгодно обращаться к собеседнику, используя приятные,

лестные слова» (Блумфилд 1999, 438). Н. И. Формановская пишет о том, что «в пору распада Римской империи, когда два императора занимали престолы в Риме и Константинополе, при обращении к одному из них, дабы не обойти и не обидеть другого, адресовали форму множественного числа» (2007, 236).

Однако, к сожалению, эти гипотезы никак не объясняют, по каким причинам случаи употребления местоимения *вы*, как это представляется Блумфилду, воспринимаются адресатом как «приятные, лестные слова». Еще менее понятно, каким образом местоимение *вы*, которое, как уже было сказано, в России стало входить в употребление при Петре I, связано с распадом Римской империи, начавшимся в IV веке нашей эры.

Рассматриваемые гипотезы не объясняют и того, почему вежливое *вы* применяется лишь при общении с реальными, «земными» адресатами. В русской речи было бы довольно странно представить себе обращение на «вы», а не на «ты» к Богу или к скончавшемуся человеку. А разве эти адресаты не заслуживают вежливого общения? Причина такого положения, по-видимому, состоит в другом: и Бог, и покойники находятся вне нашего мира, а потому их обозначение посредством местоимения *ты* не способно нанести подобным адресатам ущерба и, следовательно, обращение к ним на «ты» не нуждается в табуировании.

5. Заключение

Представляется, что все сказанное дает основания для вывода о том, что входящий в нормы речевого этикета русского и целого ряда других европейских языков запрет на произнесение некоторых личных имен, а также местоимения *ты* представляет собой разновидность языкового табу — явления, зародившегося в мировой цивилизации еще в глубочайшей древности.

Библиография

- Блумфилд, Л. (1999), Язык. Благовещенск. [Bloomfield, L. (1999), Yazyk. Blagoveshchensk.]
Большой вопрос (n.d.), Большой вопрос.ru. [Bol'shoj vopros.ru.]. In: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2453338-kak-vy-otnosites-k-tomu-kogda-rebenok-nazyvaet-svoego-roditelja-po-imeni.html> [доступ: 29 VIII 2018].
- Всеобщий секретарь (1811), Всеобщий секретарь, или Новый и полный письменник. Санкт-Петербург. [Vseobshchiy sekretar' (1811), Vseobshchiy sekretar', ili Novyy i polnyu pis'movnik. Sankt-Peterburg.]
- Детки (n.d.), Детки мама.ru. [Detki mama.ru.]. In: <https://detkimama.ru/viewtopic.php?t=387> [доступ: 29 VIII 2018].
- ЛЕОНТЬЕВ, А. А. (1990). Табу. В: Ярцева, В. Н. (ред.), Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 501. [Leont'yev, A. A. (1990), Tabu. In: Yartseva, V. N. (ed.), Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moskva, 501.]

- МАКОВСКИЙ, М. М. (2008), Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность – формы – развитие. Москва. [Makovskiy, M. M. (2008), Fenomen tabu v traditsiyakh i v yazyke indoevroyeytsev: sushchnost' – formy – razvitiye. Moskva.]
- ПЯГАЙ, Н. В. (2007), Этнокультурная специфика значений и употребления русских терминов родства в восприятии корейцев [диссертация]. Москва. [Pyagay, N. V. (2007), Etnokul'turnaya spetsifika znacheniy i upotrebleniya russkikh terminov rodstva v vospriyatii koreytssev [dissertatsiya]. Moskva.]
- РЕФОРМАТСКИЙ, А. А. (1996), Введение в языковедение. Москва. [Reformatskiy, A. A. (1996), Vvedeniye v yazykovedeniye. Moskva.]
- Устав (n.d.), Устав внутренней службы вооруженных сил Российской Федерации [Ustav vnutrenney sluzhby vooorzhennykh sil Rossiyskoy Federatsii.]. In: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304569&fld=134&dst=100253,0&nd=0.38976073180682036#07545573900164809> [доступ: 14 VIII 2018].
- ФЕДОСЮК, Ю. А. (2006), Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Москва. [Fedosyuk, Yu. A. (2006), Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka. Moskva.]
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И. (2007), Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. Москва. [Formanovskaya, N. I. (2007), Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika. Moskva.]
- ФРЭЗЕР, Дж. Дж. (2018), Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Москва. [Frazer, J. G. (2018), Zolotaya vetv': Issledovaniye magii i religii. Moskva.]
- КІКЛЕWICZ, А. (2016a), Tabu: aspekty pragmatyczne. W: Zeszyty Prasoznawcze. 59/3 (227), 489-511.
- КІКЛЕWICZ, А. (2016b), Tabu w komunikacji językowej: dwa rodzaje uwarunkowań. W: Małyska, A./ Sobstyl, K. (red.), Tabu w procesie globalizacji kultury. Lublin, 33-56.
- Passion (n.d.), Passion.ru. In: <http://club.passion.ru/semeynyy-vopros/obrashchaetes-roditelyam-imeni-t71812-60> [доступ: 29 VIII 2018].

